

Фаддей
БУЛГАРИН

Избранное

Фаддей Венедиктович Булгарин

Как люди дружатся

«Мы уже до того дожили на белом свете, что философы и моралисты усомнились в существовании дружбы, а поэты и романисты загнали ее в книги и так изуродовали ее, что кто не видал ее в глаза, тот никоим образом ее не узнает. В самом деле, неужели можно назвать священным именем дружбы эти связи, основанные на мелких расчетах самолюбия, эгоизма или взаимных выгод? Мы видим людей, которые живут двадцать, тридцать лет в добром согласии, действуют заодно, никогда не ссорятся, доверяют один другому, и говорим, вот истинные друзья...»

Фаддей Булгарин
Как люди дружатся
(Справедливый рассказ)

Мы уже до того дожили на белом свете, что философы и моралисты усомнились в существовании дружбы, а поэты и романисты загнали ее в книги и так изуродовали ее, что кто не видал ее в глаза, тот никоим образом ее не узнает. В самом деле, неужели можно назвать священным именем дружбы эти связи, основанные на мелких расчетах самолюбия, эгоизма или взаимных выгод? Мы видим людей, которые живут двадцать, тридцать лет в добром согласии, действуют заодно, никогда не ссорятся, доверяют один другому, и говорим, вот истинные друзья. Таких друзей много. Есть люди, которые входят в тесный союз, с тем чтобы ненавидеть третьего и вредить ему. И этот союз называют в свете дружбою! Есть сто различных родов подобной дружбы, и вы от подобных друзей услышите повторение избитых речений: «Чтобы узнать человека, надобно съесть с ним две бочки соли». Испытанные друзья! Другой вам скажет: «Деньги оселок дружбы, а мы уже не один миллион разделили согласно». О, нежные

друзья! «Я и дети мои обязаны другу моему местами и наградами. Он воспользовался милостью своего покровителя и облагодетельствовал нас». Тут нет уже дружбы. Дружба не вмешивается ни в дела, ни в расчеты. Да что ж такое дружба? Право, не умею истолковать. Нет никакого сомнения в том, что все мы, т. е. люди, чрезвычайно любим себя и ужасно нравимся самим себе. Дружба есть волшебство, чародейство. Посредством непостижимого очарования дружба представляет нам вас самих в другом лице и вы привязываетесь к этому лицу, как к самому себе: вот вам и дружба. Друг ваш не похож на вас, ни лицом, ни нравом, нет нужды. В вас самих лета и болезнь изменяют лицо, вы сами не всегда одинакового нрава. Но главное: чувствования и образ мыслей у вас и друга одни и те же. Вот где моральное тождество мыслей и сходство. Вы скажете: мало ли людей с одним образом мыслей и с одними чувствованиями; неужели все это друзья? Дело в том, что эти чувствования и мысли не стоят гроша. Дружба не принимает чувствований и мыслей на вес, на меру и по тарифу. Истинные друзья могут ссо-

риться между собою, гневаться один на другого, даже бранить друг друга, точно так же, как мы бываем недовольны собою, гневаемся на себя и сознаемся в своих ошибках. Сказать о друге: он не способен ни к чему дурному, а в этом случае поступил неблагоразумно, есть то же, что сказать: признаюсь, что я поступил неосторожно. Вы будете ссориться, гневаться и будете душевно любить друг друга... Это настоящая дружба, а дружба есть точь-в-точь любовь. Истинной любви нет без дружбы, а дружбы – без любви.

Но как люди дружатся? Уже верно не за шампанским, не за красным сукном, не в беседах и не вследствие долговременного испытания. Сошлись, увиделись и полюбили друг друга навеки... За что? А бог знает... так... ни за что. Ему что-то во мне понравилось; мне нравится в нем все, голос, приемы, движения, мысли, чувства, образ изъяснения. Наконец, чем долее мы узнаем друг друга, тем более привязываемся, и все-таки не зная за что. Если он имеет сатирический дух, то даже замечает мои смешные стороны и хохочет. На другого я бы гневался, а с ним хохочу сам над со-

бою, подшучиваю над ним... то есть: мы думаем и чувствуем вслух, разделяем все, не думая о разделе, доверяем вполне друг другу, не помышляя о доверенности и недоверчивости, а все это потому, что в нем я вижу себя и притом в лучшем виде. Я уверен даже, что он лучше меня, т. е. это я в праздничном наряде.

Я вам расскажу, как я подружился...

Я жил в Варшаве, на Свентоюрской улице, в небольшом каменном доме на улице, принадлежавшем в то время почтенному старику немцу, Г. Каминскому, который каждый праздник присылал мне цветов из своего сада и удивлялся, что я предпочитаю прогулки в поле и в лесу на Белянах, на Воле и т. п. спокойному наслаждению видом цветов и зелени из его беседки. В один день, когда тучи угрожали дождем, я, вместо обыкновенной прогулки за город, пошел в ближайший публичный сад, называемый садом Красинского. Это было в 8 часов утра. Прогуливающихся не было вовсе. Обошел несколько раз весь сад, я сел отдохнуть на скамье. На другом конце сидел молодой человек, в гусарском долмане, с

унтер – офицерскими галунами. Он был бледен, как труп. На лице его изображались яркими чертами недуг телесный и скорбь душевная. Взор его был полупомеркший. Но лицо его сохраняло остатки красоты необыкновенной. Черты его имели правильную азиатскую форму; черные волосы вились в кудри, и в физиономии отражались ум и добродушие. Ему было около двадцати лет. Пушок едва твердел на усах. Взглянув на него несколько раз, я не мог отвести от него взоров моих. Сердце мое сжималось, смотря на его страдание. И я так же, почти в детских летах, ходил в уланской куртке, по свету, за тридевять земель в тридесятое царство. Я знал, что такое чужая сторона, чужие люди. Кому призреть больного юношу на чужбине. У него, быть может, есть мать, есть сестра, которые бы пеклись о нем, если б недуг посетил его под родительским кровом... А здесь госпиталь... Бедный юноша. Мне стало жалко, и я заговорил с ним.

Я узнал, что он родом из самой Москвы, где имеет родителей, и что он определился в Иркутский гусарский полк юнкером, в 1812

году, но не попал в действующую армию и теперь находится в резервном кавалерийском корпусе под начальством генерала Кологривова. Этот гусарский полк стоял, не помню, возле Ковно или Бреста (теперь этому минуло 20 лет)[1]. Юнкер отпросился для излечения в Варшаву, надеясь найти здесь одного майора, знакомого с его родителями, и занять у него денег, пока пришлют ему из дому. По несчастью, майор выехал из Варшавы, а между тем болезнь усиливалась, итак, бедный юнкер решил идти в госпиталь. Я предложил ему мою квартиру и, водясь дружески с медиками от самой молодости (потому что между ними всегда более образованных людей), обещал ему доставить хорошего доктора. «Но у меня вовсе нет денег», – сказал юнкер. «А на что вам они», – отвечал я. «Доктор мне приятель, да и притом он и без того не взял бы ни копейки, ни миллиона с бедного воина. Лекарство даст нам каждый аптекарь, а на прочее... Бог даст! Пойдемте со мною. Я живу близехонько». Он пожал мою руку, со слезами на глазах, и мы отправились.

Я велел моему слуге принести с постоялого двора чемодан моего больного приятеля, сладил ему походную постель, поместил в моей спальне, а сам перенесся в так называемую гостиную, призвал доктора, и дело пошло на лад. Кухарка моего хозяина стряпала для больного суп и бульон; я с моим слугою (честным и израненным отставным уланом) ухаживал за больным. С первого дня переселения ко мне юноша лег в постель и три месяца не вставал. Усилия медицины были бесполезны. Открылась жестокая чахотка, и он умер...

В течение трех месяцев я часто беседовал с ним. Он был чрезвычайно образован, начитан, имел удивительную память и был страстен к словесности, к поэзии, любил все высокое, благородное. Рассказывая мне о Москве, о своей жизни, он с восторгом говорил об одном молодом офицере своего полка, которого он знал в Москве, еще будучи в пансионе. Из дружбы к этому офицеру он пошел в военную службу и ему обязан был всем своим образованием, любовью к изящному, высокому, к поэзии природы. Мой жилец писал

несколько раз к этому офицеру и однажды получил от негр письмо, в котором он уведомлял его, что приедет к нему в Варшаву. Больной прижимал это письмо к устам, плакал от радости... Я удивлялся этой необыкновенной привязанности и утешался. Моему сердцу было теплее.

Наконец, протекло лет шесть; я уже был в Петербурге и занимался словесностью, издавал «Северный архив». Однажды прихожу к другу и товарищу моему, Н. И. Г<речу> и нахожу у него незнакомого человека. Добродушный хозяин познакомил нас по-своему, т. е. таким образом, что мы знали, с первой минуты, как обойтись друг с другом. Мой новый знакомец был тогда не тот человек, каким он сделался после. Но бессмертие уже было в его портфеле. Услышав первый раз его фамилию, мне показалось, будто где-то и когда-то я слышал об ней, но не мог вспомнить. Мы стали разговаривать, и в первую четверть часа стали называть друг друга ты[2], не зная сами и не постигая, каким образом мы дошли до этой фамильярности. Ничего не помню, а помню только, что мы несколько раз пожи-

мали друг другу руки и обнимались. Я просто влюбился в моего нового знакомого... Это был Грибоедов.

Жесточайшие мои противники литературные были старые приятели, родственники или даже питомцы Грибоедова. Он даже хотел помирить меня с одним из них, воображая, что у этого человека душа Грибоедова... он ошибся. Все, что окружало Грибоедова, говорило ему противу меня, потому что я тогда занимался литературной критикой, я говорил резкие истины. За дружбу со мной Грибоедов приобрел даже литературных врагов; он хохотал и говорил только: хороши ребята! Грибоедова просили, чтобы он развязался со мною... Он улыбался и сидел у меня по восьми часов сряду. Признаюсь, что зато и я никогда не любил никого в мире больше Грибоедова, потому что не в состоянии любить более, почитая это невозможностью. Право, не знаю, люблю ли я более детей моих... Я люблю их как Грибоедова, а Грибоедова любил как детей моих, как все, что есть святого и драгоценного в мире. Душа его была рай, ум – солн-

це.

Когда он отправлялся последний раз в Персию, я сказал ему накануне: «Ты пойдешь высоко; я навсегда останусь там, что теперь, т. е. ничем, в полном смысле Пироновой эпитафии[3]. Мои противники мучат тебя...» Он быстро взглянул на меня, схватил за руку и сказал: «Ничто в мире не разлучит нас. Помнишь ли Геннис... которого ты призрел в Варшаве. Он писал ко мне о тебе²... Я давно искал тебя... Наша дружба не провалится: она имеет основание». Это собственные слова незабвенного. Ах, как малы перед ним его соперники! Он весь жил для добра и добром.

Итак, офицер, о котором говорил с восторгом мой больной жилец, к которому он писал, был Грибоедов...

Как люди дружатся? Очень скоро, но прочно, когда есть основание.

Примечания

Иркутский гусарский полк под командой генерала Кологривова находился в Брест – Литовске летом 1814 года. (Прим. сост.)

[^^^]

Свидетель Н. И. Г<реч>. С ним мы сошлись почти так же. В первую четверть часа подружались, и вот этому уже прошло семнадцать лет.

[^^^]

3

Perron the fut rien, etc.

[^^^]